
Лея
Вплетая желания
Людмила Закалюжная

Людмила Закалюжная

Лея. Вплетая желания

«Автор»
2026

Закалюжная Л.

Лея. Вплетая желания / Л. Закалюжная — «Автор», 2026

Он появился, когда моя жизнь только начала налаживаться. Красивый, с янтарным взглядом. Вот только он служит закону, а я — маг без лицензии. Получится ли у меня соткать новую жизнь из пепла? И вплести в нее нить на счастье с тем, кто стал дороже всего?

© Закалюжная Л., 2026
© Автор, 2026

Лея. Вплетая желания

Глава 1

Тишина в пустом доме бывает разная. Уютная, когда в камине потрескивают дрова, а на кухне возится прислуга. Напряженная, когда в воздухе висит ожидание: за стеной шепотом совещаются, а на столе лежит нераспечатанное письмо с сургучной печатью. Горькая, когда на полу остались вмятины от вынесенной мебели, а в камине остывает зола. За окном мелькают силуэты грузчиков, и ветер приносит запах дыма из соседнего дома.

Я стояла посреди гостиной и смотрела на голые стены. Пол был усыпан мелкими соринками, обрывками веревок, которыми связывали мебель, и круглыми пыльными следами от ножек. Там, где еще утром стояло трюмо, осталось только темное прямоугольное пятно. В углу валялся забытый кем-то клочок газеты. Он шелестел на сквозняке из открытой форточки. С улицы тянуло сыростью и первой апрельской зеленью. Я любила весну. Тепло, солнечные дни, пение птиц всегда дарили какую-то радость, а сегодня… сплошная безнадежность.

Всего восемнадцати лет от роду, я уже не впервые оказалась выставлена на улицу. Еще пятьлет назад у нас был свой дом с садом, где мама любила сидеть с книгой в тени старой яблони. Я помнила, как пахло там клубникой с грядок и мамиными духами, тонкими, с ноткой ландыша. Потом не стало папы, а примерно через год и мамы… Дом продали за долги, и дядька, троюродный мамин брат, Ардалион Семенович Львов, забрал меня к себе. Он служил в губернской канцелярии и взял опеку, как говорил, из родственных чувств. На деле же родственник продал остатки нашего имущества. Через год игра в карты втянула опекуна в новые долги. Он снял эту квартиру, две комнаты с кухней, обставил мебелью, заплатил за три месяца вперед и исчез. Мои документы забрал с собой, пообещав на прощание: «Я скоро, ты только жди».

Три месяца я прожила здесь вместе с компаньонкой и прислугой, экономя оставленные им монеты и вслушиваясь в шаги на лестнице. Где-то в глубине души я понимала, что он не вернется, но другого выхода не было. Я жила прежней жизнью, делая вид перед знакомыми, что все в порядке. Только вот… приглашения на балы и различные торжества горько откладывала в сторону. Не по карману стали наряды с пышными юбками. Вскоре пришлось расстаться и с компаньонкой, потому что платить и содержать ее я больше не могла. Моя жизнь превратилась в затворничество. Только утренние прогулки, пока дворяне еще спят, а потом городская читальня, чтение книг у камина дома, чтобы хоть на какое-то время позабыть про гнетущую реальность. А сегодня пришли описывать мебель за новые долги опекуна — и мне настал конец.

— Барышня, вы тут еще? — из прихожей высунулась голова пристава. Усатое лицо выражало смесь служебного рвения и человеческой жалости. — Вы бы шли, а? Тут теперь опечатывать будут.

— Сейчас, — мой голос прозвучал хрипло. — Можно мне… портрет? Вон тот, маленький.

Я кивнула на стену, где еще держался на гвоздике портрет мамы. Единственное, что не успели снять кредиторы. То они ли забыли, то ли побрезговали старой рамой, которая была деревянной, без позолоты, и в углу — трещина. Я когда-то заклеила ее бумажкой.

Пристав покрутил ус, глянул на длинный список в руках, исписанный мелким почерком, с казенной печатью внизу.

— Нет его в описи. Берите, — махнул рукой пристав. — Только живо.

Я подошла к стене. Пальцы дрожали, когда я снимала портрет. Мама смотрела на меня с холста все так же спокойно, с легкой улыбкой, как и при жизни. На ней было темно-зеленое платье с высоким воротником, а в ушах — маленькие серебряные сережки, которые она так любила и которые теперь были на мне… Я прижала портрет к груди, прикрыв старой маминой

шалью, накинутой поверх пальто. Оно было мне немного широким в плечах, но зато теплым. И горько подумала: «Все, что осталось у меня от прежней жизни, — это только воспоминания».

Я уже вышла в коридор, когда услышала звук. Тоненькое, жалобное «мяу» донеслось из гостиной. Сердце ухнуло вниз, а потом забилось быстрее.

Беляш.

Я совсем забыла про него в этой суматохе, в хаосе мыслей, и кинулась обратно, едва не споткнувшись о порог. Колено садануло о косяк, и по ноге разлилась тупая боль, но я даже не охнула.

— Беляш! — позвала я кота. — Кис-кис…

Тишина. Только газета все шелестела на сквозняке. Где-то на улице кричали вороны, и этот крик врывался в открытую форточку вместе с прохладным ветром.

И тут я взглянула на старый камин. Над ним криво торчал гвоздь, на котором раньше висели часы. В камин уже давно никто не бросал дрова, дом отапливался печкой. Дверца топки была приоткрыта, и в щели виднелся белый кот. Его шерсть, всегда такая чистая и пушистая, сейчас оказалась серой от пыли. Беляш смотрел на меня огромными зелеными глазами. В них не было страха, лишь укор. Мол, как ты могла забыть про меня, хозяйка? Я тут уже час сижу, продрог весь.

— Мой Беляшик, — выдохнула я и опустилась на колени прямо в пыль.

Порой я думала, что кот пришел в мою жизнь не случайно. Когда я уже жила у опекуна, то однажды, гуляя в парке, увидела среди желтой опавшей листвы белый сжавшийся комочек. Эти зеленые глаза, полные тоски… мое одинокое сердце откликнулось, и я спрятала котенка на груди от холодного осеннего ветра. Ардалиону Семеновичу было все равно, карты волновали его больше.

Я протянула руки, и Беляш шагнул ко мне. Осторожно, перебирая лапами, словно боялся испачкаться. Потом подумал и все-таки прыгнул прямо мне на грудь. Я прижала его к себе, сунула под пальто, и оно тут же натянулось, пуговица на груди жалобно хрустнула, но выдержала.

Кот был теплый и пах дымом. И еще чем-то… мятным? Я не придавала этому значения, потому что Беляша порой окутывал травяной аромат, словно он вернулся из леса. Не могла же так пахнуть магия? Животные регистрировались как фамильяры при устойчивой магической связи и признаках разумности. Беляш был формально зарегистрирован как «кот с нулевой степенью дара».

В моем роду силе неоткуда было взяться: ни боевых магов, ни целителей, ни артефакторов. Бытовую магию низшего порядка я не развивала. Матушка всегда говорила: «Это все для крестьян да для купцов, а благородной девушке надобно быть опрятной и прилежной без всякого колдовства». Я тогда не спорила. А теперь… я бы многое отдала за ту самую «крестьянскую» магию, которая помогла бы мне не пропасть.

Беляш не вырывался, только вздохнул тяжело, как человек, и уткнулся носом мне в грудь. Я встала, придерживая кота одной рукой, а портрет зажав под мышкой. В прихожей свободной рукой взяла свою котомку и перекинула ее через плечо. Мы вышли в подъезд. Пристав уже топтался у двери, поигрывая связкой ключей. Они звонко звенели, и этот звук резал уши после тишины пустой квартиры.

— Шаль покрепче завяжите, — буркнул он, глядя, как Беляш ерзает под моим пальто. — Апрель, а холод собачий.

Я опустила взгляд на свою котомку. Вещей в ней было немного, все, что я смогла собрать, пока грузчики выносили мебель. Мои мысли путались, я не знала, куда идти и что делать.

— Ничего, — сказала я больше себе, чем ответила приставу. — Обойдусь.

Я спускалась по лестнице и вздрогнула, когда дверь за мной захлопнулась, а ключ дважды щелкнул в замке. Бывшая квартира, где я прожила три месяца, пока опекун платил, осталась за спиной. Вместе с ней вся моя прошлая жизнь.

На улице я оглянулась на дом — серый, в три этажа, с узкими окнами, из которых кто-то смотрел нам вслед. На втором этаже дернулась занавеска, и я отвернулась.

— Ну что, Беляш, — я посмотрела на кота. Он высунул нос из-под пальто и щурился на бледное апрельское солнце. — Будем выживать.

Кот чихнул. Я восприняла это как согласие.

Мы побрели вдоль улицы Петровской. Ноги сами несли меня вперед, в то время как в голове был сплошной туман. Нет, в городе имелись знакомства… Только как я теперь появлюсь в дворянских кругах? Лучше уж грязная подворотня, чем унижение. Беляш под пальто тяжело вздохнул, перебирая лапами, чтобы устроиться поудобнее.

Город давно уже проснулся. Где-то за углом скрипели колеса пролетки, торговка с лотком кричала «Калачи, калачи горячи!», и запах свежего хлеба ударил в нос так сильно, что у меня заурчало в животе. Я отвернулась и пошла быстрее. Нельзя было думать о еде, когда в кармане всего восемь рублей.

Я не знала, сколько мы бродили в поисках крыши над головой, час или два. То было слишком дорого, то мне не нравились хозяйка или место, где располагался дом. В гостиницу я не сунулась бы и с деньгами — в моем пальто, перепачканном в золе, с котом за пазухой, меня бы и на порог не пустили. Постоялый двор? Там ночуют проезжие мужики, общие комнаты, шум — не место для одинокой девушки.

Беляш начал беспокоиться. Он повизгивал и тыкался носом мне в шею. Наверняка, как и я, хотел есть и пить, и, наверное, спать. Ноги гудели, плечо, на котором висела котомка, затекло, и даже портрет мамы казался тяжелым, как бревно. Мне нужно было место, где я могла не только отдохнуть и поесть, но и подумать над тем, что мне делать дальше. Выхода не было, оставалось искать самую дешевую комнату.

«А там что-нибудь придумаю», — решила я.

В конце Глухой улицы, где дома лепились друг к другу, как грибы в лесу, а мостовая давно не видела ремонта, деревянное крыльцо просело у одного из зданий, перила скрипели под рукой, и пахло здесь щами, кислой капустой и еще чем-то затхлым.

На дверях висела табличка: «Меблированные комнаты А. С. Базарной. Спросить у дворника». Дворника не было, поэтому я просто постучала.

За дверью послышались шаги, потом голоса, потом снова шаги. Наконец дверь приоткрылась на цепочку, и в щель выглянуло лицо — старое, морщинистое, с острым носом и пытливыми глазами.

— Чего надо? — спросила женщина. Голос у нее был прокуренный, низкий, но не злой.

— Комнату, — сказала я. — На неделю.

Она окинула меня взглядом. Я машинально поправила воротник и одернула юбку — привычка, неряшливость в одежде считалась дурным тоном.

Беляш под пальто заворочался, и женщина перевела взгляд на него.

— Ишь, барышня, — протянула она не то с насмешкой, не то с сочувствием. — А кота зачем притащила?

— Он со мной, — я прижала Беляша крепче. — Мы вместе.

Хозяйка хмыкнула, но цепочку сняла и дверь открыла шире.

— Есть свободная комната на втором этаже, пять рублей за неделю.

Я стала считать… У меня всего-то восемь, отдам пять, а дальше как быть? Если ничего не придумаю, то куда пойду? Повезет, если останутся копейки и хватит хотя бы на ночлежку. Я вздрогнула от своих мыслей и еле слышно спросила:

— А подешевле… ничего нет?

— Каморка под лестницей, самая дешевая. За полтора рубля на неделю пущу, — хозяйка нахмурила брови. — Но кот чтоб мышей ловил. У нас их тут — тьма-тьмущая.

Беляш, словно поняв, о чем речь, высунул голову и уставился на женщину с таким выражением, будто мыши — это не его профиль, но он подумает.

— Будет ловить, — пообещала я, хотя слабо представляла своего ленивого красавца за охотой.

— Заходи, — хозяйка посторонилась, а я отсчитала монеты и положила их в раскрытую ладонь женщины.

— Если хочешь, могу кормить, — бросила она уже в коридоре. — Сама-то я для себя варю, на одного больше — невелика накладка. Щи, каша, хлеб. По-нашему, по-простому. Дополнительно два рубля на неделю, прибавишь?

Я прикинула в уме: остаток выходил четыре с половиной. Мне вполне хватит снимать жилье на еще одну неделю с обедами. «Неплохой вариант», — мелькнула мысль. Сама я готовить почти не умела.

— Согласна, — сказала я. — Спасибо, хм…

Я растерялась, не зная, как обратиться к женщине, когда мы остановились возле двери, как раз под лестницей, ведущей на второй этаж. В доме было тепло и тихо. Я радовалась, что нашла стоящее и недорогое жилье.

— Агафья Борисовна я, а ты зови просто Агафья, — велела хозяйка. — Вечером в шесть приходи на кухню, там и поужинаем.

Агафья не уходила и выжидающе смотрела на меня, пока я не догадалась и не назвала свое имя.

— Лея Ильинична Вересова.

— Барышня, как есть барышня, — хмыкнула хозяйка и ушла.

«Барышня». Слово прозвучало как насмешка. В другом месте, еще пару дней назад, меня бы так назвали из вежливости. Сейчас — из жалости. А по закону я все еще баронесса. Формально имею право на магию без лицензии, могу не кланяться каждому чиновнику. Но только попробуй сейчас скажи кому-нибудь, кто ты. Засмеют. Или хуже — примут за сумасшедшую. Дворянство без денег, без дома, без приличного платья — не дворянство. Это я уже поняла.

Каморка под лестницей оказалась такой маленькой, что, лежа на узкой койке, можно было одновременно касаться головой одной стены, а ногами — другой. Напротив стоял табурет, возле небольшого квадратного окна, на подоконнике — стопка старых газет, в углу — рукомойник с ведром. Пахло здесь мышами и пылью, но я радовалась и этому. Апрельское солнышко щедро заливало каморку.

Из котомки я достала старую керосиновую лампу и свечу. Медь потускнела, резервуар был почти пуст, на донышке осталось на пару часов, не больше. Свечи покупать накладно, керосин дешевле. Как заработаю, сразу куплю, а пока пусть стоит. Хорошо, что хоть одна свеча у меня есть.

Я опустилась на кровать. Пружины жалобно скрипнули в тон моему настроению. Беляш спрыгнул с рук, обошел комнатку по периметру, как-то неоднозначно фыркнул,а после улегся на подоконник и принялся умываться.

А я сидела, привалившись к стене, и смотрела на портрет мамы, стоявший на табурете. Что делать дальше? В кармане последние монеты, которые оставил Ардалион Семенович. Комнатушка крохотная и холодная, но выбора у меня не было. Необходимо что-то придумать, просто сидеть — не выход.

И все же, глядя на мамино лицо, смотрящее с холста, и на Беляша, мирно умывающегося на подоконнике, я почувствовала, что отчаяние отступает. Есть крыша над головой. Кот рядом. И руки на месте.

Значит, не все потеряно.

Глава 2

Когда я в шесть часов вечера несмело вошла на кухню, Агафья хлопотала у печи, доставая чугунок.

— Садись, — кивнула она на лавку за столом. — Две квартирантки сами себе готовят, так что будем ужинать вдвоем. Они сейчас все на работе, поздно приходят.

Я присела на самый край лавки. Есть хотелось неимоверно. С Беляшом мы разделили сухую булку, а потом он свернулся у меня на груди, и мы так дремали, пока Агафья не позвала.

Кухня оказалась достаточно просторной комнатой, хоть и с низким потолком. В углу гудела беленая печь, у окна стоял стол, накрытый клеенкой, шкаф с посудой висел на стене, кадка с водой темнела возле двери.

—Из каких будешь? — полюбопытствовала хозяйка.

Я помолчала, подбирая слова. Врать не хотелось, но и правда о дворянском происхождении могла насторожить. Хотя по проницательному взгляду Агафьи мне показалось, что она обо всем уже догадалась.

—Из сирот, — ответила я, опуская глаза. — Опекун квартиру снял, заплатил за три месяца и исчез. Вот и пришлось искать, где дешевле.

Агафья хмыкнула, но расспрашивать не стала. Разлила щи по тарелкам, поставила на стол миску с кашей, нарезала хлеб. Сама села напротив и взяла ложку. Я последовала ее примеру. Щи оказались густые, наваристые, с кислой капустой и кусочком говядины — такого я не ела уже давно. Каша гречневая рассыпчатая, хлеб свежий. Я старалась есть не торопясь, но ложка так и ходила сама собой. Агафья поглядывала, но ничего не говорила.

—У тебя руки-то ухоженные, — заметила она под конец. — Барышня, видать, не приучена к тягостям.

—Придется привыкать, — ответила я, вздохнув. — Вот думаю, чем заняться, чтобы подработать. Вышиваю я плохо, да и не люблю…

Пока я рассуждала вслух, внезапно появилась идея. Может, и глупая, но стоило попробовать.

—Плести умею… пять лет назад помогала одной… женщине. Руки должны вспомнить, — произнесла я с надеждой.

—Дело хорошее. На нашей улице рукодельницы нужны. Только в каморке тебе тесно будет, а на кухне, когда никого нет, можешь работать. Здесь и светлее, и теплее.

Я посмотрела на хозяйку, не зная, что сказать. Она просто так, за спасибо? Или ждет платы?

—Не из корысти, — словно прочитав мои мысли, сказала Агафья. — Сама в девках горе мыкала, знаю, каково это.

—Спасибо, — выдохнула я. — Я буду аккуратно, сора не наделаю.

—То-то.

Хозяйка убрала посуду, подбросила угля в печь, и мы разошлись по своим комнатам. Я шла по темному коридору, чувствуя, как внутри разливается тепло, не только от щей, но и от этой неожиданной, ничем не заслуженной доброты.

Вчерашнего ужина хватило не только мне, но и Беляшу кое-что перепало. В остатки щей я накрошила хлеба и отнесла коту в миску. Впервые за несколько дней я плотно поела и, уставшая, измученная физически и морально, быстро провалилась в сон под громкое урчание Беляша.

Когда я открыла глаза, в каморке было серо и зябко. Небольшое квадратное окно нехотя впускало первые солнечные лучи. Пальто, которым я укрылась поверх одеяла, сползло на пол, и сквозняк от окна пробрался под кофту. В коридоре за стеной гудела общая печь — ее топили с вечера, но тепло сюда плохо доходило. Я села, кутаясь в пальто, и осмотрелась. Беляша на койке не было.

—Кис-кис, — тихо позвала кота.

В ответ из-под табурета раздалось деликатное урчание. Я наклонилась и увидела Беляша, а перед ним на полу темнел маленький комочек. Мышь, которую кот аккуратно положил, словно дар.

Беляш взглянул на меня своими зелеными глазами, потом перевел взгляд на мышь и легонько подтолкнул ее лапой в мою сторону. Мол, ешь, хозяйка, я добыл.

—Ох ты ж, охотник, — выдохнула я. — Какой ты молодец…

Я ласково погладила кота за ушком, и он заурчал сильнее, слегка склонив голову.

—Если бы, Беляш, все было так просто. Ты поймал мышь, а у меня в кармане зазвенели монеты, — грустно улыбнувшись, сказала я.

Затем поднялась, накинула пальто. Мышь я завернула в клочок, который оторвала от старой газеты. Беляш сидел на пороге и наблюдал за мной с укоризной: не ценишь.

—Спасибо, — сказала я серьезно. — Я хозяйке расскажу, а вдруг сбавит цену на следующую неделю. Потом прогуляюсь до рынка и куплю тебе рыбки. Договорились?

Кот моргнул, но, кажется, согласился.

Я вышла в общий коридор, оставив дверь в комнатку открытой, чтобы тепло из коридора досталось и ей. Мышь выбросила в помойное ведро у лестницы. Беляш с осуждением мявкнул и вальяжно направился в сторону кухни — она находилась в конце общего коридора, оттуда тянуло запахом еды.

Улыбнувшись, я пошла за котом. На кухне Беляш, недолго думая, расположился рядом с печкой, вытянулся во весь рост, грея живот. Я же набрала в кружку воды и устроилась на лавке, глядя на соседние дома и дым, который выходил из печных труб.

На кухне было жарко, и, согревшись, я сняла пальто, аккуратно положила его на лавку. Пахло здесь вчерашними щами и еще чем-то знакомым, домашним. В печи тихо потрескивали дрова, и от этого размеренного звука на душе становилось спокойнее.

Крышу над головой я нашла, не голодаю, придумала, чем стану заниматься. На рынок надо сходить, чтобы посмотреть примерную стоимость плетеных корзин, и в городскую читальню заглянуть. Там бывают различные журналы по рукоделию, может, что-нибудь полезное про плетение вычитаю. Мои мысли прервала невысокая крепкая женщина в сером платье, рукава которого были закатаны до локтей. Незнакомка держала пару яиц и ломоть хлеба с маслом.

—Это тебя Агафья поселила под лестницей? — спросила женщина. Она подошла к столу, аккуратно положив туда свою еду. Я взглянула на ее обветренные грубые руки и невольно подумала, что, наверное, скоро и у меня такие будут.

—Да, вот устроились там с Беляшом, — кивнула я на кота. Он как раз повернулся на другой бок и наблюдал за нами из-под прищуренных глаз.

—Красивый кот и имя подстать, — усмехнулась женщина, а потом представилась. — Марфа Правдина, работаю прачкой. Встаю ни свет ни заря, потому что в семь утра должна быть уже в прачечной.

—Лея Вересова, пока еще думаю, чем заняться.

—Быстрее думай. — Марфа подкинула угля, и печка сильнее зашумела, а потом поставила варить яйца в небольшую кастрюльку. — Неделя быстро пробежит. А Агафья, хоть и добрая, но дармоедов не любит. Выставит за дверь, даже не сомневайся.

А я и не сомневалась.

После плотного завтрака, овсяной каши и холодного мясного пирога, я умылась ледяной водой из рукомойника в углу каморки, пригладила волосы, поправила воротник. В кармане лежали последние четыре с половиной рубля. Накинув пустую котомку на плечо, я выскользнула на улицу, закрыв Беляша в комнате. Он, если честно, и не возражал, сытый дремал на подоконнике.

Город встретил меня весенней суетой. Главная улица, ведущая к центру, была вымощена камнем, кое-где булыжники выщерблены, но в целом сносно. По тротуарам сновали горожане: чиновники в черных плащах, купчихи в шляпках, гимназисты с портфелями и ранцами. Я опускала глаза, когда кто-то из них косился в мою сторону. Мамино пальто было чистым, но старым, шаль выцвела. Я не была похожа на нищую, скорее на обедневшую дворянку, но и этого хватало, чтобы чувствовать себя… неловко.

Я свернула на Дворянскую, чтобы срезать дорогу к рынку. Здесь дома стояли с колоннами, у подъездов пролетки ждали господ. Две барышни в шляпках с вуалью прошли мимо, не взглянув на меня. Одна из них, помладше, дочка графини Молдовской. Три месяца назад я была у них на обеде, мы болтали с Ириной о модных шляпках и платьях… Она не узнала меня в этой одежде.

Но если бы даже узнала? Баронесса Вересова, дочь Ильи Николаевича, в старых башмаках и пальто, с шалью на голове… Ирина посетовала бы на превратности судьбы. И, конечно, ни за что бы не предложила мне помощи. Потому что это было бы уже мещанство, а в нашем кругу принято делать вид, что ничего не случилось. По закону я имею право на многое, а на самом деле — ни на что.

Торопливо перебежав на другую сторону дороги, я ступила на Купеческую улицу. Здесь витрины магазинов не сияли стеклом и медными вывесками. Вот галантерейная лавка — кружева, ленты, перчатки в коробках. Рядом кондитерская: пирожные с кремом стоят ровными рядами, и от одного взгляда на них у меня сводило желудок. Я пошла быстрее, заставляя себя не смотреть. Нельзя думать о том, чего не купишь.

На углу Купеческой высилось серое казенное здание с гербом. На вывеске значилось: «Канцелярия Магического Контроля». Я знала, что там сидят люди, которые следят за магами. Штрафуют, закрывают лавки, забирают артефакты. От здания веяло холодком, и я ускорила шаг, чтобы поскорее миновать тяжелые двери.

Рынок я услышала еще издали. Вышла на Торговую площадь, и меня обдало запахами: свежая выпечка, квашеная капуста, конский навоз. Вокруг возы с сеном, телеги с горшками, крестьянки в платках, сидящие на лавках с коробами. Короба были плетеные из ивового прута, бересты, лыка. Одни простые, другие с узором.

Я остановилась у женщины, которая торговала корзинами для белья. Крупные, добротные,правда, плетение грубоватое. Цену она назвала невысокую. Я отошла дальше, там сидел старик с коробами поменьше, более изящной работы.

— Сам плету, — похвастался он, заметив, как я разглядывала его работы. — Выбирай. Вот для грибов, для ягод.

Я кивнула, рассматривая переплетение прутьев. В имении Луговое, где мы жили до разорения, была ключница Анна. Ей заказывали корзины даже городские жители. Говорили, они хранят тепло и не дают хлебу черстветь. Матушка тогда ворчала: «Магия — дело неблагородное, но если уж так вышло, пусть хоть с пользой». Анна просто пожимала плечами и плела дальше. Она никогда не училась магии специально, но ее дар был настоящим. Я тогда была маленькой, сидела у Анны в светелке, смотрела, как из простых прутьев вырастают короба, лукошки, хлебницы. Ключница давала мне кусочки прута, и я пыталась повторить.

— Легкая рука у барышни, — говорила она маме. — Учиться бы.

Но мама хотела, чтобы я больше занималась музыкой, языками, танцами. Поэтому я бегала тайком к Анне… Теперь от той жизни осталась только память, и все же руки помнили плетение. Хорошо бы найти, где здесь продают прутья.

Я обошла базар, расспрашивая торговцев. Один мужик сказал, что прут можно купить у овражных крестьян за городом, а можно и самой нарезать, сейчас самое время, ива уже набухла. Другой посоветовал заглянуть в кожевенный ряд, там есть лавка, где держат заготовки для ремесленников. Я уже собралась идти туда, когда заметила на углу каменное здание

с широкими окнами. Над входом висела вывеска: «Городская публичная читальня. Вход свободный». Точно. Я же хотела туда заглянуть.

Внутри читальни, как всегда, пахло бумагой и деревом. Пожилой библиотекарь в очках, Сергей Петрович, кивнул на длинный стол, где были разложены журналы и газеты, когда я спросила о книгах по рукоделию.

— Доброго дня, давно вы не заходили, барышня Вересова, — библиотекарь внимательно оглядел меня. — Случилось чего?

— Уже все налаживается, Сергей Петрович, — я попыталась успокоить и старика, и себя.

«Идея с плетением должна сработать», — думала я, усаживаясь у окна. Взяла первый попавшийся номер «Вестника рукоделия» за прошлый месяц.

Что я искала? Сама с трудом понимала, пока неспешно листала: узоры для вышивки, фасоны шляпок, вязание крючком. И вдруг на глаза попалась статья: «Новое ремесло — плетение из бумажной лозы». Я углубилась в чтение. Оказывается, из газетных полос можно скручивать трубочки, красить их и плести корзины, шкатулки, даже мебель. Это дешевле, чем ивовый прут, и не требует особых инструментов. В столице уже открываются мастерские, а при женских гимназиях — курсы.

Я перечитала статью дважды. Бумагу можно найти почти даром. В типографиях и в некоторых конторах выбрасывают обрезки. Вот, даже у меня в каморке на подоконнике лежат старые газеты. Мало, конечно, но можно поспрашивать в трактирах.

Скрутить трубочки, сплести несколько корзинок и выставить на базар. Если пойдет дело, то можно будет снять каморку на месяц или даже на второй этаж переехать, а там, глядишь, и дело наладится.

Плетение из бумажной лозы выходило дешево, просто, и руки помнили, как плести.

Я вышла из читальни, прижимая к груди журнал, который Сергей Петрович разрешил мне взять. Теперь не прутья надо искать, а газеты. Вон у тех лавок, где торгуют печатным товаром, наверняка есть макулатура.

—Ничего, — сказала я себе вслух. — Начнем с газет, а там, может, и до ивы доберемся.

Глава 3

Типография располагалась в конце Петровской улицы, в двухэтажном доме. Стены из некрашеного кирпича, на окнах первого этажа решетки, над дверью вывеска с потускневшей позолотой: «Типография купца Березина. Печать книг, брошюр, бланков и газет». Я постояла минуту, собираясь с духом, и толкнула тяжелую дверь.

Внутри пахло типографской краской и чем-то похожим на столярный клей. За конторкой, рядом с приоткрытой дверью кабинета управляющего, сидел молодой человек в нарукавниках, с аккуратно подстриженными усиками и выражением крайней озабоченности на лице. Перед ним лежала раскрытая книга, и он читал ее с таким серьезным видом, будто от этого зависела его жизнь.

—Простите, — сказала я, подходя ближе. — Мне бы поговорить с управляющим.

Молодой человек поднял голову. Взгляд его скользнул по моему пальто, по шали, задержался на котомке, и заинтересованность сразу пропала.

—Управляющий занят, — ответил он сухо. — По какому вопросу?

—Я хотела бы купить… бумажные обрезки, бракованную продукцию. Все, что идет в отходы.

Молодой человек отложил книгу, сложил руки на столе и уставился на меня с интересом, который показался мне не вполне дружелюбным.

—Помилуйте, сударыня, — протянул он. — Типография — это вам не лавка старьевщика. У нас строгий учет бумаги, каждая копейка на счету. Если вы ищете милостыню, то лучше обратиться в церковную лавку, там…

—Я не милостыню прошу, — перебила я, чувствуя, как щеки начинают гореть. Внутри проснулось упрямство, и я твердо решила, что без бумаги не уйду. — А хочу купить. У вас ведь все равно выбрасывают обрезки? Газеты с браком? Я заплачу.

Молодой человек хмыкнул и уже открыл рот, чтобы ответить, как из приоткрытой двери раздался громкий мужской голос управляющего:

—Семен Иваныч! Кто там?

—Какая-то девица! — крикнул Семен Иваныч, не сводя с меня глаз. — Обрезки просит!

—Так, проведи!

Семен Иваныч поморщился, будто ему предложили проглотить что-то неудобоваримое, но все же встал, взял со стойки связку ключей и кивнул:

—Идемте.

Мы пошли через печатный цех. Здесь было шумно: две большие машины, похожие на чугунных чудовищ, в которых пульсировало что-то живое, подчиняющееся магическому приводу, с грохотом проглатывали рулоны бумаги, выплевывая на приемный стол аккуратные стопки свежих газет. Рабочие в фартуках, перемазанных краской, ловко подхватывали листы, укладывали их, пересчитывали. Кто-то из них оглянулся на меня, но большинству было не до того, каждая секунда на счету.

В углу цеха, за деревянной перегородкой, сидел старик в потертом сюртуке и круглых очках. Перед ним лежали горы бумажного мусора: неровные полосы, уголки с типографской краской, листы, на которых текст напечатался вкривь и вкось, газеты с полосами, смазанными в грязно-серые кляксы. Услышав наши шаги, старик поднял голову, очки сползли на кончик носа, и поверх них он глядел на меня с любопытством.

—Здравствуйте, я хотела приобрести у вас… обрезки, — произнесла я, а сама радостно подумала: «Это то, что нужно».

—Глядите, наш брак, — сказал старик, кивнув на груду бумаги. — Газеты, что не прошли фальцовку. Обрезки после резки. Листы, где краска легла пятнами. Иной раз валики барахлят, иной раз бумага попадается дрянная. Все сюда идет. Раз в неделю приходит старьевщик, забирает по пуду.

Я подошла ближе, разглядывая ворох бумажного хлама. Здесь были и газетные полосы — «Губернские ведомости» за прошлую неделю, «Столичный листок» с оборванным краем, какие-то бланки, половина которых осталась чистой, и целые стопки бумажных обрезков, ровных, как ленты, разной ширины.

—Сколько вы хотите? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Старик почесал затылок.

—А тебе на что, милая? — спросил он. — Коли топить печь, так дешевле дрова купить. Коли подстилки для скотины, так солома сгодится.

—Плести буду, — ответила я, доставая из кармана экземпляр «Вестника рукоделия». — Вот, в журнале пишут: из бумажных трубочек корзины делают. Лоза такая.

Старик взял журнал, покрутил перед носом, прищурился. Потом хмыкнул и вернул.

—Моя покойница короба для рукоделья из газет вила, да не простые. Всю зиму хлеб в них теплым стоял. Она их клейстером пропитывала, а потом лаком покрывала. Стояли годами.

Он оглядел горы бумаги, покачал головой.

—За все про все — двугривенный. Много не прошу, а меньше — сам старьевщику отдам. Он хоть и копейки платит, но забирает все разом.

Я отсчитала двадцать копеек. Если получится сплести корзины и продать, то окупится. Если нет… Об этом я старалась не думать.

—Беру, — сказала я твердо и протянула монеты.

Старик кивнул, сунул деньги в жилетный карман и указал на кучу:

—Бери, сколько унесешь. И заходи, коли понадобится еще. Через месяц опять накопится.

Я опустилась на корточки и принялась разбирать бумажный ворох. Газетные листы, их можно было скручивать в трубочки, чем длиннее, тем лучше. Обрезки, узкие полосы, которые старик называл «лапшой», они могли пригодиться для мелкого плетения. Целые страницы, напечатанные вкривь, с пятнами краски, с двойными буквами, их можно пустить на основу.

Руки работали быстро, отбирая лучшее. Я складывала отобранное в котомку, прижимала локтем, чтобы не разлетелось. Газетная бумага шуршала, пахла типографской краской. В углу стопки нашлась целая пачка обойных обрезков — плотная, гладкая бумага с рисунком: мелкие розочки на бледно-зеленом поле, полоски, бордюры. Я замерла, разглядывая их. В полутьме цеха мне показалось, что розочки слабо светятся, должно быть, в краску добавили немного магии.

—А это откуда? — спросила я старика.

—Обои печатаем. Купцы заказывают для отделки. Да вон партия бракованная осталась. Краска на одном рулоне поехала, розочки на полоски расплылись. Заказчик не принял, а куда их девать? Вот лежат.

—Можно взять?

—Бери, бери, — махнул рукой старик.

Я добавила обойные обрезки в свою добычу. Котомка раздулась, как пузырь, и потяжелела так, что лямка впилась в плечо. Я завязала ее покрепче, распрямилась и тут заметила, что за мной наблюдают.

Семен Иванович все еще стоял у перегородки, скрестив руки на груди. На его лице застыло выражение, которое можно было назвать не иначе, как презрительным.

—Бумажный мусор собираете, сударыня, — сказал он, покачивая головой. — Дворянка, небось? По выговору слышно.

—Не все ли равно? — ответила я, подхватывая котомку.

—Бумажки в корзинки плести, — продолжал он с усмешкой. — Не дворянское это занятие, сударыня.

Я подняла на него глаза. Хотелось сказать что-то колкое, что-то такое, что поставило бы этого чистенького конторщика на место. Но в голову ничего не приходило, кроме маминых слов: «Лея, достоинство не в том, что ты делаешь, а в том, как ты это делаешь».

—Дворянское или не дворянское, — сказала я спокойно, — а есть хочется всем одинаково.

Семен Иванович усмехнулся, но ничего не ответил. Только посторонился, пропуская меня к выходу.

Я шла обратно по Петровской, придерживая тяжелую котомку. Плечо ныло, пальцы были перепачканы типографской краской, но внутри все пело. Двугривенный и такая гора бумаги! Этого хватит на дюжину корзин, если не больше. А обойные обрезки с розочками, они же такие красивые! Из них можно сплести что-то нарядное, не хуже ивовых корзин.

Когда я свернула на Глухую улицу, то из подворотни выскочил мальчишка лет десяти, в картузе набекрень и рваных штанах. Он едва не сбил меня с ног, вовремя увернулся, но на бегу задел котомку. Та дернулась, верхний край распахнулся, и на мостовую веером вылетели газетные листы.

—Эй! — крикнула я, но мальчишка уже скрылся за углом, только пятки сверкнули.

Я опустилась на корточки, собирая рассыпавшееся. Газеты шуршали, норовили улететь под колеса пролетки, которая как раз выворачивала из переулка. Я ловила их, прижимала к себе, складывала в котомку. На один лист наступил прохожий, чиновник в пенсне, шаркнул ногой, сбросил бумагу на тротуар, даже не взглянув. Я подхватила и этот.

Когда все было собрано, я присела на чье-то крыльцо перевести дух. Котомка снова была набита битком, но теперь выглядела неряшливо, края газет торчали во все стороны, и я сама,

должно быть, выглядела не лучше: пальто в пыли, руки черные… Я посмотрела на свое отражение в мутном стекле окна. Хороша барышня. Мама бы огорчилась.

—Ничего, — сказала я себе. — Зато будет чем заняться.

Когда я вернулась в дом, где сняла комнатку, Агафья встретила меня в коридоре, поджав губы.

—Где же ты пропадала, Лея? Я уж думала, не случилось ли чего.

—На базар ходила, потом в типографию, — ответила я, ставя котомку на пол. — Вот, бумаги купила для плетения.

Агафья покачала головой.

—Старые газеты, обои… Ну, тебе виднее. Ты иди, умойся с дороги. Я уже отобедала, а тебе оставила на столе: щи да пирог с капустой.

—Спасибо, Агафья, — а потом несмело спросила: — Можешь мне муки немного дать? Я заплачу.

Хозяйка приподняла брови:

—Зачем тебе мука?

—Клей надо сделать. А я так устала, что забыла купить, — и это была правда.

—Дам тебе муки, а сейчас айда на кухню, обедать, — позвала меня Агафья.

В комнатке я умылась, переоделась в чистое темно-синее платье, правда, немного выцветшее на плечах. Беляша я не обнаружила и даже растерялась. Кто мог его выпустить из комнатки? Только Агафья.

Я поспешила на кухню, где пахло щами и свежим хлебом. Беляш дремал возле печи и только приоткрыл один глаз, когда я вошла.

—Он так мяукал, Лея, что я его выпустила. Одна квартирантка отдыхает после ночной смены, а твой кот ей спать не давал, — Агафья поставила передо мной вчерашние щи, ломоть свежего хлеба, нарезанные кусочки сала.

Кот то ли унюхал еду, то ли вспомнил мое обещание про рыбку. Плавно поднялся, потянулся, а после принялся тереться о мои ноги.

—А я забыла про тебя, мой хороший, — вздохнула я.

Налила ему в мисочку щи, покрошила хлебушек для сытости. Беляш, громко урча, принялся за свой обед.

—Он молодец, двух мышек мне сегодня принес, пока я готовила, — усмехнулась Агафья. — Правда, напугал, разбойник.

Пока мы с Беляшом уплетали за обе щеки, хозяйка вышла из кухни и через несколько минут появилась с кружкой муки.

—Десять копеек, — сказала Агафья.

Я сердечно поблагодарила, отдавая монеты. Деньги утекали, как песок сквозь пальцы. «Ничего, заработаю», — утешала я себя.

После обеда разложила «добычу» на кухонном столе. Агафья ушла к себе, а я сидела, перебирала газеты, сортировала их по размеру и качеству бумаги. Обойные обрезки отложила отдельно, их я решила приберечь на потом, когда научусь делать ровные трубочки.

Первым делом нужно было набить руку на скрутке. Я открыла в журнале страницу с инструкцией и перечитала ее трижды. «Полосу бумаги накрутить на вязальную спицу под углом сорок пять градусов, край промазать клейстером, спицу вынуть».

Вязальной спицы у меня не было. Я поискала на кухне — нашла деревянную шпажку, одну из тех, на которые Агафья нанизывала грибы для сушки. Тонкая, гладкая, такая сойдет.

Теперь надо было приготовить клейстер. В памяти тут же всплыла картинка, как его готовила ключница Анна. Осталось только повторить. Я высыпала в кастрюльку муку, добавила воды и хорошо размешала, без комочков. Затем в другой кастрюле нагрела воду и тоненькой

струйкой влила в нее мучной раствор, постоянно помешивая. Осталось довести смесь до кипения и варить минуты три, пока масса не загустеет.

Я взглянула на Беляша, который снова улегся возле печки и тщательно умывался.

—Сейчас я накручу трубочек, сплету корзинку, и дело пойдет, — успокаивала я себя, пока убирала с печки кастрюльку с клейстером, чтобы он остыл.

Нарезать полосы я решила из газет. Взяла первый попавшийся лист, сложила вдвое, примерилась — ширина должна быть примерно в ладонь.Вырезала ножницами первую полосу, неровную, с косыми краями. Ладно, поди, не страшно, решила я, кладя лист на стол, пристроила шпажку на угол, начала закручивать.

Бумага не слушалась. Она скользила, заламывалась, края топорщились. Я пыталась держать ее под тем самым углом, что был на картинке, но трубочка получалась кривая, с одного конца широкая, с другого узкая. Я развернула, попробовала снова. Теперь бумага пошла ровнее, но когда я почти закончила скрутку и потянулась за клейстером, бумага… Вжух! И раскрутилась.

—Да что ж такое, — воскликнула я и раздраженно откинула лист в сторону.

Беляш, устроившийся на табурете рядом, наблюдал за моими мучениями с философским спокойствием. Он сыт, в тепле, его ничего не тревожит.

—Тебе хорошо, — сказала я ему. — Лежишь себе, не работаешь.

Кот моргнул и отвернулся, давая понять, что этические дискуссии его не интересуют.

Я взяла другой лист. Теперь я сразу капнула клейстер на угол и начала осторожно накручивать бумагу на шпажку. Раз! И получилось.

—Смотри какая! — показала я Беляшу, который равнодушно смотрел на качающуюся перед его носом трубочку и широко зевнул. — Пусть неидеальная, зато получилась.

Первые трубочки выходили кривые, неровные, некоторые разворачивались, стоило мне на секунду ослабить пальцы. На десятой попытке я, кажется, начала понимать: бумагу нужно скручивать туго, но не перетягивать, и держать шпажку строго под одним углом, не меняя наклона.

К ужину у меня появилась целая горсть трубочек: кривых, с неровными краями, но все-таки трубочек. Я разложила их на столе, любуясь. Из них можно будет сплести корзинку, самую простую. Но это уже завтра, потому что кончики пальцев я хорошо натерла, и они немного побаливали.

Я забрала Беляша с табурета, трубочки со стола и пошла в комнатку. С гордостью разложила свою работу на подоконнике, насчитав семьдесят три штуки. Через небольшое окно ярко светило солнце, и от этого в каморке было уютно и даже немного теплее, чем утром. Я присела на кровать и раскрыла журнал. Кот устроился рядом со мной, щурясь на солнышке, и мне показалось, он даже улыбался.

Глава 4

День не задался с самого утра.

Я проснулась с мыслью о плетении, наскоро умылась, позавтракала и уже в восьмом часу сидела на кухне, разложив перед собой трубочки. Агафья хлопотала у печи, поглядывая на меня с любопытством.

—Ишь ты, бумажные прутики, — сказала она, поднося к глазам одну из трубочек. — И что из них можно сплести?

—Корзину, — ответила я, раскрывая журнал с картинкой. — Вот, смотрите. Сначала делают дно, потом поднимают стойки и оплетают их. Затем делается ручка, это просто, и все. Готова корзинка.

Агафья покивала, но в ее глазах читалось сомнение. Ничего, вот когда я сплету первую корзину, она удивится, что получится.

Я взяла восемь трубочек, разложила их крест-накрест, четыре вдоль, четыре поперек, и принялась плести дно двумя рабочими трубочками. Первый ряд самый сложный. Сначала оплетаются четыре трубочки плетением «веревочка». Затем каждые две в несколько рядов, а потом каждая трубочка. И нужно следить, чтобы расстояние между трубочками было одинаковое. Иначе будет некрасиво.

Вроде все просто, плети и плети, но на деле трубочки оказались непослушными: они некрасиво гнулись в местах скрутки, некоторые вообще ломались или сплющивались под пальцами. Я пыталась плести туже, но от этого бумага трещала и местами рвалась. Я пробовала слабее — плетение расползалось, стойки смещались, дно косило на один бок.

—Да что ж за напасть, — прошептала я, распуская очередной неудачный ряд.

Агафья, закончив с печью, подсела ко мне.

—Может, трубочки не те? — хозяйка взяла одну из заготовок и покрутила ее. — Неровные они какие-то… оттого и плетение, поди, идет вкривь.

Я взглянула на свои трубочки. Она была права. Когда я крутила их, то очень торопилась, поэтому не вымерила ширину полос, оттого толщина у трубочек оказалась разная.

—Значит, нужно все переделать, — сказала я, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. — По сортам я бумагу уже разобрала, значит, надо нарезать одинаковыми полосами, потом скрутить заново…

И я принялась разбирать стопки, резать новые полосы. Агафья вздохнула, покачала головой и ушла по своим делам. Правда, вскоре вернулась, чтобы отдать мне коробку из-под чая.

—Складывай свои трубочки сюда, так они у тебя будут лежать в одном месте.

К полудню я нарезала ровные полосы из газет — широкие для дна, узкие для плетения стенок корзины. Скрутила пять дюжин трубочек, старательно выводя каждую, промазывая клейстером и просушивая на печи. Кончики пальцев болели, но зато я была довольна. И вот трубочки лежали передо мной ровными рядами, почти одинаковые. Миску с клейстером я поставила на табурет и расправила плечи. Теперь все должно получится.

Я снова разложила трубочки крест-накрест, принялась оплетать. Первые два ряда вышли ровно… Но все равно в местах скрутки бумага морщилась, и я старалась делать аккуратно, чтобы она не порвалась. Плетение шло тяжело, сухие трубочки плохо гнулись, и все же… Вроде начало получаться. Я ускорилась, добавляя новые трубочки, наращивая длину, и уже видела перед глазами готовую корзину, с которой можно будет пойти на базар, и кто-нибудь обязательно ее купит, это станет началом моего дела… В общем, я так размечталась, что от радости начала напевать любимую мелодию. В этот момент на кухню влетел Беляш.

Он носился по коридору последние полчаса. Кот, который обычно проводил дни в полудреме на подоконнике, сегодня вдруг почувствовал прилив энергии. Я слышала его топот, но не придала значения. И, как выяснялось, напрасно.

Беляш влетел на кухню, как ураган. Он подскочил к столу, вцепился лапами в свисающий край обойного листа — тот самый, с розочками, который я отложила, чтобы потом использовать для отделки. Кот дернул, обойный лист соскользнул, потянул за собой все, что на нем лежало, и целая стопка бумажных обрезков рухнула на пол с оглушительным шорохом.

—Беляш! — закричала я, вскакивая.

Кот заметался по кухне, пытаясь укрыться от моего гнева. Он влетел под стол, опрокинул табурет с клейстером. Табурет упал на коробку с готовыми трубочками, и те хрустнули, а клейстер невозмутимо растекся по полу.

Беляш выскочил из-под стола, перепрыгнул через рассыпанные газетные полосы, зацепил лапами миску с остатками клейстера. Миска отлетела к двери и звонко ударилась о стену.

Я стояла посреди этого хаоса, сжимая кулаки. На столе — разворошенные трубочки, раскиданные полосы, которые я так старательно резала. На полу — клочья бумаги, опрокинутый

табурет, пара трубочек плавает в лужице клейстера. А посреди всего этого — белый пушистый кот, который замер у порога, готовый в любой момент рвануть дальше.

—Беляш, — сказала я голосом, которого сама не узнала. — Беляш, ты…

Кот жалобно мяукнул таким тоном, будто это я была виновата во всем.

Раздражение, копившееся все утро, вдруг достигло предела. Я открыла рот, чтобы высказать все, что думаю об этом коте… И вдруг я заметила, как смешно выглядит Беляш, перепачканный клейстером, с прилепившимся бумажным обрывком на ухе. А его пушистый хвост с темным кончиком был задран трубой и мелко подрагивал. При этом на морде у него застыло выражение полного возмущения: мол, это не я, это ты тут поставила миску с клейстером на табурет и разложила на столе свои трубочки.

Я не сдержалась.

Сначала из горла вырвался какой-то странный звук, не то всхлип, не то смешок. Потом я вспомнила, как трубочки летели в разные стороны, как Беляш метался по кухне, как миска улетела… Я рассмеялась. Сначала тихо, а потом громкий, почти истерический смех вырвался наружу.

Я смеялась, глядя на разгромленную кухню, на испорченные заготовки, на свое платье, забрызганное клейстером. Смеялась до слез, до боли в животе, до того, что пришлось сесть на пол прямо в бумажный хлам.

Слезы текли по щекам, и я уже не могла понять — смеюсь я или плачу. Может быть, и то и другое вместе. Я сидела среди обломков своего первого дела и рыдала от смеха. Все, что накопилось за эти дни: выселение, страх, каморка под лестницей, эти дурацкие трубочки, все это вдруг выплеснулось наружу в одном неудержимом приступе.

—Лея? — в дверях появилась Агафья. Она обвела взглядом кухню, потом посмотрела на меня, сидящую на полу среди бумажного хаоса, и на кота, который наконец уселся в углу и принялся умываться, словно ничего не случилось. — Что тут… Творец Всемогущий…

—Все… в порядке, — выдавила я сквозь смех и слезы.

Агафья покачала головой, подошла ко мне, протянула руку.

—Вставай, горемычная. Что случилось-то?

Я поднялась, отряхивая прилипшие бумажные обрезки.

—Это все кот, — сказала я с улыбкой, показывая на Беляша.

—Вижу, — Агафья с укоризной поглядела на кота. — Разбойник, а не кот. Мышей мало ловит, зато работать мешает.

Беляш сделал вид, что все происходящее его не касается, развернулся и с гордым видом вышел из кухни.

Смех постепенно утихал, оставляя вместо себя странную легкость. Будто тяжелый камень, который давил на грудь все эти дни, вдруг рассыпался в прах.

—Агафья, — сказала я, оглядывая разгром. — Я сейчас все уберу. Честное слово.

—Конечно, — согласилась она. — Куда денешься. Только сперва умойся и приведи себя в порядок.

Я пошла в каморку, умылась ледяной водой. В зеркальце, которое висело на гвоздике, отразилось мое лицо — красное, опухшее, но глаза… блестели. Не от слез, а от чего-то другого, когда понимаешь, что самое страшное уже позади.

Вернувшись на кухню, я собрала рассыпанные трубочки, вытерла клейстер с пола. Беляш сидел на подоконнике, виновато поглядывая на меня.

—Иди сюда, — позвала я.

Кот спрыгнул, подошел, потерся о мои ноги. Я наклонилась, почесала его за ухом.

—Балбес ты, а не Беляш, — сказала я беззлобно. — Но не виноват.

Беляш заурчал, довольно щурясь. И таким в этот момент он был милым, что вся злость и обида пропали разом. Я оглядела свои трубочки. Они мятые лежали в углу. Некоторые уже размотались, другие треснули, когда я пыталась их согнуть.

—Сухие, — сказала я коту. — Из таких ничего не сплетешь. Нужно, чтобы они стали… ну, как ивовые прутья. Гнулись, а не ломались.

Беляш зевнул, показав розовый язык, и принялся умываться. Ему было все равно. А я принялась перебирать уцелевшие трубочки. Их набралось около полусотни. Кривые, мятые, но плести из них вроде можно.

После ужина я собралась подготовить еще листки, чтобы завтра с утра крутить новые трубочки. А после можно и спать укладываться. Я уже принялась разглаживать газетные полосы, как вдруг в коридоре послышались шаги и голоса. Дверь на кухню отворилась, и вошла Марфа с еще одной женщиной, невысокой, плотной, с красными от работы руками и узелком в руке.

—О, Лея, а ты чего не спишь? — Марфа скинула с плеч платок и повесила его на спинку стула. — Мы думали, на кухне пусто, а у тебя тут… — она оглядела стол, заваленный газетами, миску с клейстером, разложенные трубочки, — настоящая мастерская. Порядок наводишь?

—Это не порядок, а последствия погрома, — ответила я с кривой усмешкой.

—Какого погрома? — вторая квартирантка приблизилась и с любопытством уставилась на стол. — Кто ж тут у тебя бедлам устроил? Я, кстати, Прасковья, мы с Марфой вместе прачками работаем.

—Лея, а это Беляш, — я вздохнула и показала на кота, который спал на подоконнике, притворяясь ангелом. — Виновник погрома, из-за которого мне приходится снова крутить трубочки.

Марфа хмыкнула.

—И что ж ты его не выставишь, такого разбойника?

—Не могу, — призналась я. — Он у меня один остался.

Прасковья подошла к столу, взяла одну трубочку, покрутила в пальцах.

—И из этого плетут? — спросила она. — Газета-то хлипкая.

—И сухая, — добавила я.

Марфа задумалась, потерев щеку.

—Там у нас на фабрике… одна девочка, помнится, тоже из бумажной лозы корзинки делала. И чем-то она трубочки пропитывала, чтобы гнулись. То ли лаком, то ли еще чем… Я уж и не вспомню. Гнулись потом трубочки — во как! — она развела руками.

—Только не столярным, — перебила Прасковья. — Мой покойный муж раз попробовал столярным лаком разделочную доску покрыть, а его надо разводить скипидаром. Потом неделю еще доска скипидаром воняла. Выветривается он долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.